

International

Literary

m a g a z i n e

Борис суслович ОТТУДА

SUSLOVICH OTTUDA

Борис
СУСЛОВИЧ
ОТТУДА

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Борис
СУСЛОВИЧ**

ОТТУДА

Стихи и проза

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024**

УДК 821.161.2'06-1
С-90

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Суслевич Б.

С-90 Оттуда / Б. Суслевич — Друкарський двір Олега Федорова,
2024 — 144 с.

ISBN 978-617-8252-91-5

В книгу Бориса Суслевича вошли поэтические и прозаические произведения, многие из которых были опубликованы в журнале «Крещатик». На что опереться человеку в наше безбашенное время, когда дикость и подлость пытаются диктовать ему правила поведения? На любимых людей, которые поддерживают «оттуда». На любимую поэзию, которая пришла «оттуда», из достойной, цивилизованной жизни. Верить в себя, свой внутренний мир, неотделимый от внешнего. Всем нутром слушать голос свыше, так необходимый сегодня. Голос оттуда.

УДК 821.161.2'06-1

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-91-5

© Суслевич Б., 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

ТОЧНАЯ ФОРМУЛА

Януш Корчак, совершивший подвиг подвигов, от величия которого замирает сердце и перехватывает дыхание, становясь образом стихотворения поэта выглядит и по-земному — просто старый еврей, и — не имеющим возраста образом необыкновенного величия:

Старый еврей, освятивший последним отказом
Жизнь после смерти, как свет, исходящий с небес,
Что он шептал в душегубке, сочащейся газом,
Тем, кто ещё мог услышать? В сознание и без...

Старый еврей... Не прикрыться уже псевдонимом:
Слитый с обложками ввек нестареющих книг,
Он проплывает над родиной лагерным дымом —
Польский двойник.

Стих Бориса Суслевича строг и силён; даже запятая, сильно поворачивающая течение строки («*Что он шептал в душегубке, сочащейся газом...*»), работает на вектор мысли, алмазом прорезающей сознание читателя...

Ибо стихотворение совмещает в себе метафизику и нравственный призыв. Ибо человечество должно измениться так, чтобы не возникла необходимость в подобном подвиге.

Сильное дыхание Суслевича словно — от природы, в которой:

Здесь хвоей пахнет рослый клён,
Сосна — кленовою листвою,
И океан, приворожён,
Шумит, как лес над головой.

Вобрав вчерашнюю жару
И в ожиданье перемен,
Он ровно дышит поутру
В благословенном штате Мэн.

И густо шумящий океан, и деревья, чьи названия туго ложатся в ячейки памяти, словно объединяются в пространном полёте прозрачного стихотворения.

Суслович штурмует самые сложные пики бытия: и иглы вопросов, точно уложенные в строки, могут ранить, но — такова структура бытования поэта на земле, в этом вечном вращении юлы юдоли:

Стихи рождаются мгновенно.
А что за ними — вот вопрос:
Чернила или кровь из вены
Ты на бумагу перенёс?

Образы вспыхивают точно, зеркально отражаясь в отполированных дисках времени:

Ливень драит мостовую
До зеркальной чистоты.

Струи счастья, омывающие иные стихи поэта, мешаются со столь пронзительным ощущением трагизма, зыбкости бытия, что, кажется, вот-вот — и будет выведена точная формула последнего: всё включающая в себя, универсальная.

*Александр Балтин,
поэт, прозаик, эссеист*

ПОЭЗИЯ

СЕГОДНЯ
(2023)

ДНЕПР. 14 ЯНВАРЯ 2023

Поберегись, китайская стена¹,
Пока ещё сирена не слышна,
Пока ещё стоят твои дома,
Пока ещё день не сошёл с ума,
Пока ещё не рухнул твой подъезд,
Пока ещё в квартирах и окрест —
Пока ещё — не спала пелена —
Поберегись, китайская стена...

Январь 2023

---

¹ Квартал домов, разрушенный российской ракетой.

1853–2023

Империя — сиречь, дурдом.
Ушли на покой санитары.
Теперь они там, за бугром,
Судачат о времени старом.

О нынешнем лучше молчать
В тряпицу, согласно природе.
На рылах — холопства печать.
Не правда ли, герр Нессельроде?

Что скажете, канцлер? Живём.
Обычай в дурке простые:
Вздыхать о величье России,
Предчувствуя крымский разгром...

Апрель 2023

РОССИИ

Теперь я круглый сирота —
по маме и по ней.

Б. Чичибабин

Страна, предавшая себя,
Летит в тартарары,
Уничтожая и губя
Соседние миры,

Что были прежде, чем она,
Что создали её.
Прощай, злосчастная страна,
Твой облик — забытьё.

Болиголов, чертополох
На божеских путях,
Свой срок ты отбыла не впрок —
Да и уйдёшь не так...

Май 2023

СОНЕТ ОТТУДА

Что на выходе? Выпасть в осадок
Несуразных, прилипчивых дней.
Стать одной из случайных закладок
Книги будней. Закрытой. Твоей.

В ней по-прежнему шастает время
По нетронутым белым листам
С заморочками, кляксами теми,
Что казались приметными там.

Жизнь насмарку. До мига — насмарку,
До истёртого старостью дна.
Даже слово сегодня — помарка,
Блажь, которой копейка цена.
Этим вдохам и тесно, и жарко,
В этих выдохах дрожь и вина.

Август 2023

* * *

Диагноз твой: израильский еврей.
Иль украинский. Выбери любое
Из двух обозначений. Поскорей —
Покамест время двери не закроет
В той камере, что названа судьбой,
Где только от сирены до сирены
Ты кажешься себе самим собой,
А не букашкой, что протяжный вой
Вминает в покорёженные стены.

Повсюду, где идёт твоя война,
Ты лишь мишень, приманка для ракеты.
И даже если песня не допета,
Жизнь осмотрелась — и ушла. Одна.

Октябрь 2023

* * *

Ты вспомнишь о своём народе?
Когда?
Пока меж нас кругами ходит
Беда,
Скажи хоть слово, полуслово,
Хоть рот
Открой на миг. Внимать готовы.
Народ...

Ноябрь 2023

ИЗРАИЛЬ

Страна родная, чем ты провинилась?
Сменила Божья кара Божью милость?
Сбылась надежда — или испарилась?

Мы здесь живем и в радости, и в боли.
Зачем ты собирал нас? Для того ли,
Чтоб варвары на фарш перемололи?

Ночь искупленья. Утро без рассвета.
Молчат скрижали нашего Завета.
Да, виноваты... Но казнить за это?

Декабрь 2023

РЫЖИК

Кфиру Бибасу

Ты слышишь меня, малыш?
Туда, где сейчас ты спишь,
Не всякий проникнет звук —
Лишь сердца тревожный стук
Раздвинет твою тюрьму.
Покрепче к груди прижму,
Погрею. Застывший взгляд —
Там слёзы стеной стоят...

Декабрь 2023

ИНСТИНКТ
(2011–2021)

ЖИЗНЬ

I

Будь кладом зарытым,
Моя дольче вита,
Слепящим обрывком
От метеорита,
Пылинкой небесной,
Лишившейся крова,
Отдушиной песни,
Отметинной слова...

II

Почему ты щедра только с теми,
Кто не верит тебе ни на миг?
В истрепавшейся нервной системе,
Где пустячный вопрос — проводник
Оголённого нерва, где разом
Обступает горячая муть
И предательски лупит по фразам
Боль, которую не продохнуть...
На жаре невозможно согреться.
На ветру невозможно дышать.
Изгрызёт метастазами детства
Невидимая благодать.

2011

* * *

Слова, предписанные свыше,
Как будто под наркозом слышу.
Как будто слышу поневоле
Слова, знакомые до боли.

2012

ИНСТИНКТ

Что ты мурыжишь меня,
Что ты от нищего хочешь?
Предощущение дня,
Предощущение ночи,
Перебродивший дурман,
Взятый, как сон, за основу
Жизни... Пошире карман:
Призрачный выигрыш — слово.

2012

* * *

Неделя начинается дождём,
Стекающим с насупленного неба,
А мы, как заводные, снега ждём,
Хрустящего рождественского снега,
Хоть в палестинах наших его нет
Ни в декабре, ни в январе, ни в марте.
...Лишь в мартобре повсюду валит снег
В стране, не обозначенной на карте.

2013

* * *

Накося выкуси, сучка Смерть...
2005

У меня к тебе претензий нет:
Я тебя прогнал, и ты ушла,
А вернулась через десять лет.
Не тайком, как вор из-за угла —
Ты открыто поселилась здесь,
Чтобы, наконец, воздать сполна
За мою бессмысленную спесь.
Или безрассудство — не вина?
Десять лет мерещилось, что прав,
Не желая верить в мир иной...
Точно так же, предъявив свой нрав,
Ты однажды явишься за мной.

2016

* * *

Со смерти всё и начинается...

Л. Мартынов

Необратимый миг
Разорван поперёк:
Старушечий ли вздох,
Младенческий ли крик —
У жизни он велик,
У смерти он высок.
Начало, ты итог,
Который не постиг:
Прикушен мой язык.

2016

* * *

Куда ни пойдёшь, куда
Ни ступит твоя нога,
Вдогонку спешит беда.
Спасайся! Уйди в бега!

Не верь, что она твоя
Отныне, что вы друзья,
А память и жизнь — враги...
Беги от себя. Беги!

2016

* * *

Три месяца — как день один.
Какая чушь, что время лечит!
По-прежнему пригнуты плечи,
А чувства ломки вроде льдин
При ледоходе, ледоставе...
Что отменить сегодня вправе
Души замёрзшей карантин?

Три месяца — как день один.
В тумане мысли и поступки,
Толчешь, как будто воду в ступке,
Недели с днями. Из картин
Былого вычленяет память
Людей, что раньше были нами,
В чьих снах ты нынче властелин.

На день. На час. На миг один.

2016

* * *

Маме

Мы сегодня с тобой вдвоём
По дороге ночной идём,
Через смерть переходим вброд,
А дорога стремится вперёд.

Мы молчим. Тишина вокруг.
Как тепло от касанья рук,
От несказанных нами слов.
Рассветает. День свеж и нов.

2016

ТРУС

Стоп-кран будто сорван с души.
Минувшее время
Вернулось из дальней глуши
С трофеями теми,

Что слаще, чем детство, на вкус —
И горше, чем старость...
Я к ним приближаться боюсь.
Снаружи останусь.

2016

2016: УХОДЯЩЕМУ

До окончания — всего ничего,
Две неприметных недели.
Время, как скучно твоё торжество,
Если ни смысла, ни цели

Нет и в помине. В чём фишка, итог
Действующей круговерти?
Как у тебя получился пирог
Жизни на противне смерти?

Жри — не хочу. Каждый свежий ломоть,
Наспех съедаемый мною,
Лишь раздражает несътую плоть...
Боже, чего же я стою?

2016

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Что тебе снится, малыш,
Вечером, ночью и днём?
Ты заразительно спишь
В крохотном царстве своём,
Будто мелодия сна
Радостью напоена.

Этот нехитрый мотив
Не устаю напевать.
Как ты лежишь, обхватив
Царское ложе — кровать!
Жаль, что улыбка во сне
Не предназначена мне...

2017

ДВОЙНЯШКИ

Как украшает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда ещё неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она растёт, как на дрожжах,
Годам и дням не зная счёт...

Как разрушает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда уже неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она сбегает впопыхах,
Оставив без оплаты счёт...

2017

РЕПЛИКА

Стихи рождаются мгновенно.
А что за ними — вот вопрос:
Чернила или кровь из вены
Ты на бумагу перенёс?

И что твои потуги значат,
Калиф на миг, калиф на час...
«Цель творчества — самоотдача»?
При Пастернаке. Не при нас.

2017

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

Когда поношенное тело
Приобретает прежний вид
И на тебя глядит несмело
Полузнакомый индивид,
Остановись и поразмысли,
Коль вам столкнуться довелось,
Какие копошатся мысли
Под шапкой вьющихся волос;
Чем индивидуум озабочен,
О чём вздыхает по ночам...
Тебе, наверно, странно очень
Осознавать, что он — ты сам.
Вали отсюда поскорее,
Пока целёхонек, пока,
Косящему под старика,
Тебе не надают по шее.

2019

* * *

Н. Р.

Какая прелесть — детский почерк...
Слова, бегущие стремглав:
Землём заполненный горшочек,
Укроп, растущий между строчек,
Духмяный запах свежих трав.

В глубинах маленького сердца
Займётся новая заря,
Как вездесущий призрак детства,
В котором хочется погреться
Промозглым утром января...

2020

ПРОЩАНИЕ

«Я прожил совсем нищю на счастье жизнь»

Владислав Пеньков

Слышишь, Влад? Тебя кто-нибудь встретил
В самом крайнем из наших миров,
Где твои нерождённые дети,
Где ты счастлив, удачлив, здоров?

Где стихи обнимают и кружат
Малолетку, с которой курю,
И бегут, задыхаясь, по лужам,
По рыдающему сентябрю.

Слышишь, Влад? Этот месяц короткий,
Твой последний земной адресат,
Одинокой, натруженной глоткой
Вопиёт, обернувшись назад...

2020

* * *

Н. С.

Благодаренье за науку...
Во тьме кромешной, посреди
Глубокой ночи: «Выходи!» —
Нашёптывать на ушко внуку.
Лишь обсмотреть со всех сторон
Ещё неизвестное чудо,
Явившееся ниоткуда —
И снова провалиться в сон.

2020

* * *

Заглотишь слово или слог —
И затеряешься. Крючок
Тебя потянет за собой
Туда, где в сваи бьёт прибой,
Где бьётся первая строка,
Как рыбина. Жива пока.

2021

ГЕНРИК ГОЛЬДШМИДТ¹

Старый еврей, навсегда возвратившийся в детство,
Жить не желая ни дня без любимых сирот,
Что он оставил сегодняшним детям в наследство
В мире, где гадостной взрослости невпроворот?

Старый еврей, освятивший последним отказом
Жизнь после смерти как свет, исходящий с небес,
Что он шептал в душегубке, сочащейся газом,
Тем, кто ещё мог услышать? В сознание и без...

Старый еврей... Не прикрыться уже псевдонимом:
Слитый с обложками ввек нестареющих книг,
Он проплывает над родиной лагерным дымом —
Польский двойник.

2021

---

¹ Настоящее имя Януша Корчака.

АВГУСТ

Здесь хвоей пахнет рослый клён,
Сосна — кленовою листвою,
И океан, приворожён,
Шумит, как лес над головой.

Вобрав вчерашнюю жару
И в ожиданьи перемен,
Он ровно дышит поутру
В благословенном штате Мэн.

2021

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Ни седин, ни детей, ни стихов —
Лишь глядящая вполоборота
С пожелтевшего старого фото
Юность. Встретиться с нею готов?

Близорукий безадресный взгляд,
Еле-еле понятный сегодня,
Дар господень — иль ссуда господня?
Не поймёшь, озираясь назад.

Не поймёшь, озираясь вперёд
Из когда-то знакомого века,
Кто ты нынче: убогий калека,

Всем прискучивший жалкий банкрот —
Или тот молодой обормот,
Уберегший в себе человека?

2021

ДОРОГА
(2009–2016)

ИСХОД **(тетраптих)**

Фараон

По следу торопится вражья погоня.
Сыны фараона близки.
Но Черное море бегущих не тронет,
Законам земным вопреки.

Пройдут, аки посуху. Сходу. С размаха.
Как птицы, потянутся ввысь.
И грозный владыка затрясся от страха,
Услышав: «Забудь их! Очнись...»

Но ненависть выжжет проснувшийся разум,
И конница хлынет вперёд,
Гонимая в бездну хозяйским приказом
Настичь ускользнувший народ.

Владыка мгновения, верою полный,
Что нет его воли сильней.
И только морские тяжёлые волны
Сомкнутся над ним — и над ней.

Моисей

Ты спустишься вниз, огорошенный счастьем,
Горячим, как солнечный свет,
Спеша поделиться им: крошечной части
Достанет на тысячу лет.

Но где же евреи? Ты как инородец:
Никто не встречает, не ждёт.
И прямо в глаза ухмыляется вроде
Сверкающий жёлтый урод.

И жалкой усмешкой оскалятся дали.
И рабство вернётся к рабам.
И ты пошатнёшься, роняя скрижали —
И рухнет невидимый Храм.

Народ

Куда ты бредёшь, сумасбродный пророк,
Повязанный собственной тенью?
И жизни твоей приближается срок,
И нашему долготерпенью.

Пустыня направо, налево, кругом,
Лишь ветер шевелит барханы.
...А ночью приснится покинутый дом —
Зброшенный, мёртвый, желанный.

Творец

Когда последний час настанет,
И я ступлю на Твой порог,
Не поминай мне обещаний,
Которых выполнить не смог.

Пожалуйста, не будь жестоким,
Мой Господи, мой Господин!
Пускай я не гожусь в пророки,
Но это знаешь Ты один.

2009

КАЧЕЛИ

А. Р.

Мы рассуждаем в центре Тель-Авива
О пушкинской «Истории Петра»,
Как будто временная перспектива —
Прилипчивая детская игра,

Раскачанные памятью качели,
Которые по времени скользят.
И нас толкают башни Азриэли¹,
Переноса на триста лет назад.

...Морским узлом завяжется минута.
На бордаж пойдёт российский флот.
И нас толкают паруса Гангута,
Переноса на триста лет вперёд.

2009

---

¹ башни Азриэли — тель-авивские небоскрёбы.

* * *

Птичий муляж у дороги.
Прошлого времени сколок.
Короток путь или долог —
Финиш. Подводим итоги.

Изображение птицы
Смотрит пустыми глазами,
Будто листаются сами
Прожитой жизни страницы.

Что им осталось, забытым,
Съеденным ряской рутины?
Мимо несутся машины.
Без остановок. Транзитом.

2009

ЛИСТ

Держался из последних сил.
Лишь на отрыве попросил
Не отпускать его. Так просят,
Прощаясь... Снова дождь вломил.
Он каждой жилкой ощутил,
Как задрожала ветка. Осень

Не церемонилась. С трудом
Он разглядел свой прежний дом
На расстоянии. Снаружи.
Залитый муторным дождём,
Тот падал и терялся в нём,
Как рябь посередине лужи.

2009

УКАЗ

«Незаконнорожденных записывать в художники».

Пётр I, 1724

Спустить корабль. Ввести налог.
Послать войска в Тмутаракань.
Работать. Вдруг он занемог —
И разом истончилась грань
Сознания. Чудилось, вошла
Авдотья. Вслед за нею — сын.
Их поглотили зеркала.
Оставшись в горнице один,
Царь впал в нервический экстаз
И, еле сдерживая крик,
На ощупь начертал указ,
Что времени равновелик,
Что превращает в белый свет
Пыль на скрипучем сапоге.
...Лишь через полтора ста лет
Долг возвратит художник Ге¹.

2009

---

¹ Н. Н. Ге «Пётр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе» (1871).

КАНУН

Письмо отправлено. Уже
Запущен механизм дуэли.
Как проститутка неглиже
Спешит к разобранной постели,
Так он спешит под пистолет,
Чтоб успокоиться навеки.
Где выход, ежели поэт
Не уместился в человеке?

Приходится платить сполна
За каждый грех на белом свете,
Пока не грянут времена
Куда паскуднее, чем эти,
Пока в затылок дышит стих,
Пока в руке — шальная карта.
Игрок стоит, угрюм и тих,
Вдыхая пагубу азарта.

2009 – 2010

ЦЕПОЧКА ПОСЛЕДНИХ СЛЕДОВ

Аудиенция (триптих)

Царь

В глазах, похоже, интерес.
Вполне почтителен. Серьёзен.
Дался ему малыш д'Антес.
Как там: «Лета — к суровой прозе»?

Всех клонят, кроме самого.
Отец семейства, Боже правый...
Всё озорство. Всё баловство.
Как будто не хватает славы.

Генерал

Уразуметь бы, государь,
Как нам избавиться от бредней.
Дуэли модны были встарь,
Да и сегодня — не последний.

Ну, сколько можно: десять лет
Хожу за ним, как мамка, следом...
Хоть подноси ему обед.
Хоть рюмку водки за обедом.

Поэт

Василь Андреевич, родной,
Зачем ты выхлопотал встречу?
Хотя бы будь доволен мной:
Ни сном, ни духом не перечу.

Готов держать с тобой пари —
Я им ни капельки не нужен:
Они у времени внутри,
А я, считай, уже снаружи.

Дуэль

Утопанный наскоро снег
Стать ложем предсмертным готов.
Короткий, как выстрел, разбег —
Цепочка последних следов.

И голос внутри произнёс:
«Такая вот, брат, канитель...»
И темень целует взасос,
Как пуля, нашедшая цель.

Уход

Ничуть не сдерживая прыть,
Мне жизнь показывает спину...
Успеть бы только всех простить,
Как велено христианину,

И можно на краю земли
Побаловать себя немножко —
Поесть мочёную морошку
Из дрожких пальцев Натали.

Вдова

Наивно верить глупым снам,
Что рядышком — оживший Пушкин,
И просыпаться по ночам,
И комкать мокрые подушки,

И в окруженьи пустоты
Брести, как привиденье, к детям —
И, будто пребывая в нетях,
Уткнуться в мужние черты.

2009–2011

ДАНТЕС

...наказание Божье!

Г. Плисецкий

Моё любимое дитя,
Малышка, задавака, прелесть...
Я шёл на смерть полушутя
И выстрелил, почти не целясь,

Навскидку... Нет уж сил моих
Твердить, талдычить: «Невиновен!»
Скажите ради всех святых:
Тот Пушкин, что — с богами вровень?

Мой кровный враг, моя родня,
Моя пожизненная квота,
Чего он хочет от меня?
Причём тут Леони-Шарлотта?

2016

ДОРОГА

Иннокентию Анненскому

Казалось —
    проходим усталым
Бредёшь в направленье вокзала.

Вокзал.
    Измотавший все силы,
Бредёшь в направленье могилы.

Могила.
    Счастливчик: теперь-то
Бредёшь в направленье бессмертья.

Бессмертье.
    Его не хватало
На скользких ступеньках вокзала...

2012

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ О. М.

Передышка

Свалилось на голову счастье:
Считай, четыре года впрок.
Случись обыкновенный мастер
Взамен поэта, тот бы смог
Отбарабанить на потребу
Дня подходящие слова...
Но мастером ты сроду не был —
И под сурдинку петь едва
Умел. Щелкунчик-пустомеля,
Весь век прощёлкав для души,
На вшивой лагерной постели,
Пока не захрипишь, пляши!

Перекличка

«...не спрятаться мне от великой муры»

1931

От великой муры не убраться во тьму,
Под защиту последнего сна,
Ни помех для неё, ни препон — потому,
Что всеведуща нынче она;

Что отыщется враз стиховед-доброхот,
Разумеющий в жизни твоей,
Что её ненавязчиво перетрясёт
До помеченных ордерами дней;
Что построит в затылок колонну стихов
И погонит служить палачу...
От вселенской стены лезть на стенку готов.
Вить по-волчьи. Но лучше — смолчу.

2012

ТАШКЕНТ. 1943

Удивительный мальчик! Вылитый Марин Цветаев.

С. Эфрон (1925)

Я всё глубже проваливаюсь в пустоты мрака.

Г. Эфрон (1943)

Нелепый мальчик, выпихнутый в мир,
Ест непрерывно: организм растущий
Нельзя насытить. Пища — ориентир,
Иные мысли — побоку. А пуще
Всего — проевший душу едкий страх
Воспоминаний. Сын спешит туда же,
Куда спешила мать. Всё глубже мрак,
Всё неотвязней — голод. На продажу
Он ставит стопку материнских книг
И выручку в охотку проедает.
...Не гибель ли твоя ведёт дневник
Несостоявшийся Марин Цветаев?

2011

СЛУЦКИЙ (ТРИПТИХ)

«Мы поимённо вспомним всех...»

А. Галич

1

Имя с трибуны названо
Было. Пусть вскользь, но было.
Память — тля неотвязная —
Слабости не простила.

Зная исход заранее,
Время лечило плохо:
Пожизненным покаянием...
Отчаянием... Голгофой.

2

Платя немереную цену
За миг позора, знал ли он,
Что мир, казавшийся бесменным,
Им же самим приговорён?

Что вырвавшийся из неволи
Мучительно-бесстрашный стих
Грехи создателя замолит,
Рождаясь и кончаясь в них?

3

Прошедший сквозь безверье,
Сквозь горе, срам и грязь,
Постигнул в полной мере
Порушенную связь
С библейским небосводом —
И, падая во тьму,
Добытую свободу
Не отдал никому.

2012

ВОПРОС ГАСПАРОВУ

Михаил Леонович,
    может быть, я некстати?
Лишь намекните —
    исчезну мигом.
Я не филолог —
    обыкновенный читатель,
Знакомый с Вами
    по Вашим книгам.

По секрету, признайтесь:
    так ли уж было важно,
Автор талантлив
    или бездарен,
Чтобы вытащить его
    из завалов бумажных
В качестве иллюстрации?
    Конечно, хозяин — барин.

Но небольшому поэту,
    которого воскресили,
В интересах науки
    поставив с великими рядом, —
Каково ему нынче
    без привычной архивной пыли
Под Вашим неусыпным взглядом?

2010

ЗАПОЗДАЛЫЙ РЕКВИЕМ

..его мололо время,
и он его молол.

Я. Смеляков

К таланту — отсидки в нагрузку,
И пьянки, и ранняя смерть.
О счастье и думать не смей
По-русски ли, по-белорусски.

Значок прицепила судьба
(Почти канцелярская мета
Для зэка, страдальца, поэта):
Не лауреата — раба.

2009

ЗЕРКАЛО

В никуда из ниоткуда,
Где пустяшных мыслей груда,
В той коробке из-под спуда,
Посреди добра и худа,
Будто прошмыгнуло чудо:
Посреди добра и худа,
В той коробке из-под спуда,
Где пустяшных мыслей груда,
В никуда из ниоткуда.

2009

СПРОСОНОК

Проснуться ночью — и увидеть солнце
На стыке яви, морока и бреда,
Несущего по мигам, как по кочкам,
Невесть зачем схватившего за фалды
Выскальзывающее сновиденье...
Как ярко освещён, как светел угол
Моей неприбранной и тусклой спальни!

2010

СВАДЬБА

Ты отвечаешь каждому слову раввина,
И твой голос негромкий звенит.
Уцелевший отросток погибшей общины,
Как струна, напряжённый левит.

Звук молитвы летит, как небесная манна,
Ожидание входит в зенит.
Что ты шепчешь о двух берегах Иордана,
Предвкушающий счастье левит?

Радость пенится, брызжет без края, без меры,
От земли до роящихся звёзд.
И, рванувшись навстречу, всей тяжестью веры
Ты расплужишь стакан о помост¹.

2010

---

¹ Еврейский свадебный ритуал: стеклянный стакан тщательно, в несколько слоёв, оборачивается фольгой, чтобы при ударе ноги он не разбился, а расплужился.

* * *

«Поехали по небу, мама...»

Д. Новиков

Сон, траченный светом, расползся уже,
А ты, оступаясь, бредёшь по меже,
И, кажется, в это мгновенье
Становишься собственной тенью.

Простым отраженьем видений своих,
Поспешно входящих в разорванный миг,
Лоснящийся, рыхлый, как вата, —
Без смысла и без адресата.

Держись за него, пока он не исчез,
Уже без надежды и памяти без,
Цепляйся руками, ногами,
Туманом, лучом, облаками.

Проклятое утро! Хоть смейся, хоть плачь —
Естественнейшая из всех неудач.
Кричи, задыхаясь в неволе:
«Поехали по небу, что ли...»

2010

* * *

Е. Г.

Ты смотришь на меня, не узнавая,
Как будто жизнь, дошедшая до края,
И узкая больничная кровать
Уже лишили права узнавать.

Ты слушаешь меня, не понимая
Значений слов. Я сам едва ли знаю,
Кому и для чего нужны слова
У рушащейся кромки естества.

Зачем из комбинаций алфавита
Остались только эти: «Катя... Гита...»?
Зачем их повторяю в сотый раз,
Как будто ты ответишь мне сейчас...

2009

ЖУРАВЛИНОЕ

А. Р.

Ты послушай молитву птичью
На веранде родного дома:
Как натужно они курлычут,
Будто лёгкость им незнакома,

Будто за расставаньем длинным
Не случается возвращенье —
И белеющим нежно клином
Не окрасится день весенний.

2011

ΑΥΤΟΠΟΡΤΡΕΤ

(2005–2011)

ПРОГУЛКА

А. Р.

1

Плывём по морю мы.
Нас, как сельдей, набито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.
Плывёт морской челнок
Меж судеб и наречий.
Попутный ветерок.
Земля, до скорой встречи...

2

Ты наверху стоишь,
Заглатывая воздух.
Вокруг такая тишь —
Слышны на небе звёзды.
Средь полуночной тьмы
Их, как сельдей, набито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.

3

Накатит, как волна,
Счастливая минута,
Прозрачная до дна,
Вздымающая круто
До звёздной тишины,
Где море с небом слито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.

2006

* * *

Шорохов нет и в помине,
Только мотор дребезжит...
Ночь. Посредине пустыни
Медленно движется джип.

Притормози наудачу,
Выйди на вольный простор.
Кажется, прошлое прячут
Камни разрушенных гор.

Кажется, жизни начало —
Брызги на Млечном Пути.
Только что время стояло
Здесь, но успело уйти.

2005

АВТОПОРТРЕТ

С днём рожденья! Смеяться сегодня грешно:
Слишком много нащёлкало лет...
Дверь закрыта на ключ, но влезает в окно
Тот мальчишка, которого нет.

Ты расстался с ним, помнишь? Он умер давно
И опять появился на свет.
Так рождается звук в безголосом кино,
Так рисуется автопортрет.

Он диктует тебе позабытую роль,
Будто ты её раньше не знал,
И твои пятьдесят — это только пароль,
Для пловца перед стартом — сигнал.

Сменишь место и время, отчизну и век —
И вернёшься к себе. Ненадолго. Навек.

2005–2009

МУЗЫКА

А. Р.

Что тебе надобно, счастье,
Чтобы остаться со мной?
Двери, раскрытые настежь,
Ветер, сдувающий зной,

Стойте, не двигайтесь: где-то
Сердце теснится в груди,
Там, на пороге рассвета,
Целая жизнь впереди;

Там, где в мелодиях струнных
Бродит хмельной беспредел
Двух не по возрасту юных,
Настежь распахнутых тел.

Утренний сумрак — а рядом
Тающий морок ночной...
Что же ещё тебе надо,
Чтобы остаться со мной?

2006

МИХОЭЛС В РОЛИ КОРОЛЯ ЛИРА

С. В.

От портрета на стене
Словно время откололось,
И откуда-то во мне
Пробудился певчий голос:
Я пою, больной и голый,
Пленник в собственной стране —
Феерическое соло
На расстроенной струне.

Задрожат виски от боли —
Упадёт венец со лба...
Песня, что ж ты так слаба?
Замолкаю поневоле.
Умирать по ходу роли —
Королевская судьба...

2007

ЖЕНА

Эстер Маркиш

Я не выдам Вашего секрета,
Лишь на цыпочках войду сюда —
К девочке, влюбившейся в поэта.
Без оглядки. Раз и навсегда.

...Жизнь кончалась, корчилась, хрипела.
Посредине разломился век.
За одну секунду до расстрела
Муж услышит полудетский смех

И увидит в предрассветной рани,
Как сквозь выстрелы бежите Вы
По замершей улице Москвы,
Торопясь на первое свиданье.

2007–2011

ЛИНИЯ

Среди подводящих итоги
Я не был сегодня помечен,
Когда между судеб и улиц
Струился кровавый маршрут,
И, не разбирая дороги,
Бежал людоед мне навстречу:
Во времени мы разминулись
На десять бессчётных минут.

По линии жизни и смерти,
Её обожжённому краю,
Хранитель скользит предо мною,
Беду от меня отводя.
А я, ничего не заметив,
По-прежнему в игры играю,
Как будто разрыв за спиною —
Лишь гром на исходе дождя...

2006

ЯЗЫК

Судный день на исходе. Минуты стекают во тьму.
Наконец-то подняться могу над словами своими,
И, семь раз повторяя запретное, в сущности, Имя,
Как ребёнок, набегавшись всласть, возвратиться к Нему.

Я смотрю на Него, приоткрывшегося. Ни к чему
Ждать ответного жеста. Наверное, между родными
Всё понятно и так. Удивлённый, я в толк не возьму,
Что за сила меня развернёт, опрокинет, поднимет...

Неподвластная голосу. Внятная только письму.

2008

* * *

Тут на пять остановок вперёд
Не найдётся свободного места.
Хоть Мессия в автобус войдёт,
Кто посмотрит на пришлого, вместо
Них взвалившего брошенный мир
На свои заскорузлые плечи?
Им не нужен реальный кумир.
Нужно лишь ожидание встречи.

2007

ЧАЙКА НАД ТЕМЗОЙ

А. Р.

Проснуться от всхлипа
Разбитой о камень волны.
Поёжившись, всыпать
Горсть крика в раствор тишины.

Почти без усилья,
Наполнив редющей мглой
Затёкшие крылья,
Подняться над спящей землёй.

Почувствовать тяжесть
Колючей воздушной струи,
Которая свяжет
Силками движенья твои.

Растерянно бросить
Невидящий взгляд в темноту —
И первую просинь
Случайно задеть на лету...

2007–2008, Лондон

* * *

А. Р.

Поживи без стихов, поживи.
Будто сахара мало в крови,
Будто воздуха мало в груди —
Жди, не жди.

Как легко тебя взять на испуг!
Лихорадочно ищешь вокруг
Пирожок или колы глоток.
Как жесток

Серый день... как бессмыслен... как пуст.
Только строчки, сходящие с уст,
Как погасшего солнца лучи.
Тсс... Молчи.

2008

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ

Ливень драит мостовую
До зеркальной чистоты.
Так пугающе густы
Звуки, будто плоть живую
Окунают в небеса,
А не каменные плиты,
Что насквозь водой залиты
За каких-то полчаса.

Ливень драит мостовую,
От усердия дрожа.
Как по лезвию ножа,
По стене дождя скольжу я,
За потоками воды
Еле-еле поспевая.
Роль мне выпала такая
До предутренней звезды.

2009–2010

* * *

Яви хрусткая граница.
Вроде сплю — и сон мне снится
От какого-то лица
Без начала и конца.

Просыпаюсь. Засыпаю.
И опять бреду по краю:
В осыпающейся мгле
По душе, как по земле.

2009

* * *

Как много открыто слепому...

А. Кронгауз

В час, когда, забывая ненужную зрячесть,
Смотришь слепо и мудро,
В этот медленный час, озираясь и прячась,
Просыпается утро.

В час, когда отыскать в стоге сена иголку
Станет проще простого,
В этот медленный час меж собакой и волком
Просыпается слово.

2006

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЕ НАБРОСКИ (триптих)

1977. Сара

Саре Погреб

Воспоминанье смутное, как юность,
Преследует меня, куда ни сунусь.

Бесхозное, как слово на излёте,
Как первый писк новорождённой плоти...

«Дом техники»¹, концерт в начале мая.
Знакомство в гардеробной. Тётя Сая.

(Мы наскоро представлены друг другу.)
«Проводишь, да? Услуга за услугу».

О Вас я слышал раньше. Вскользь. Вполуха.
Теперь увидел: древняя старуха,

Лет шестьдесят. Ну, пятьдесят, не меньше.
На кой мне нужен возраст старых женщин!

---

¹ Здесь в 70-е годы проходили концерты симфонической музыки.

(Накрапывает дождь.) Вы говорите,
Что жизнь полна невысказанных открытий.

Взять нас хотя бы. Пять минут знакомы,
А разве не могло быть по-другому?

Идти недалеко. (Но и не близко.)
...Что жизнь пресна без праздника, без риска,

Что возраст ничегошеньки не значит.
«Наверно, Вы считаете иначе?»

Мне лень считать. Мне неохота слушать.
Меня не тянет раскрывать Вам душу,

Хотя Вы откровенны, даже слишком,
Перед случайно встреченным мальчишкой.

Весенний ветер холодит Вам кожу.
Вы с каждым шагом кажетесь моложе.

Но мне не хватит времени и света,
Чтоб распознать в попутчице поэта.

1986. Аня

Только вытяни руку вперёд —
И почувствуй, как время идёт,
Как мгновения строятся в ряд,
Суеются, толкутся, галдят.

Только пальцами пошевели —
И почувствуй кружение земли,
Так что кругом пойдёт голова,
И друг с другом сольются слова.

Только, чур, сам себе дай ответ,
Для чего ты обрёл этот свет.

1990. Дана

Поскорее руку дай мне:
Померещился случайно
Поезд, увозящий тайну.

Что за шутки, в самом деле?
На него мы не успели.
Опоздали на неделю.

Рельсы посредине парка¹.
В октябре уже не жарко.
Предотъездная запарка.

Как же ты устала, кроха.
Равновесье держишь плохо.
От меня не ждешь подвоха.

Со своею ношей сонной
Я бреду по листьям клёнов,
Улыбаясь удивлённо.

---

¹ Детская железная дорога.

Мы профукали билет свой,
Наше кровное наследство:
Поезд, увозящий детство.

2008–2009

* * *

А. Р.

Пусть будет нашей тайной,
Как очутились мы
На лавочке случайной,
Что выплыла из тьмы.

Ты оправляешь платье,
Примятое чуть-чуть.
Ещё одно объятье —
И губ не разомкнуть.

Плывущий мир застынет
От свежести ночной.
И нет его в помине:
Он стал тобой — и мной.

2007

* * *

Мы по-детски доверчиво спали.
Неожиданно рядом возник,
Никому не мешая вначале,
То ли свет, то ли звук, то ли миг.

Все мгновения сцеплены были,
Но одно из них выпало вдруг
И растаяло облачком пыли:
То ли миг, то ли свет, то ли звук.

Было что-то спросонья задето,
Чему даже названия нет.
На полях сновиденья помета:
То ли звук, то ли миг, то ли свет.

2007

ВСПОМИНАЯ ЭКЗЮПЕРИ

Растрескавшиеся следы —
Ботинки казённые грубы.
Последняя капля воды
Поранит солёные губы.

Шатаюсь, брести на восток
По самой безлюдной планете,
В ноздрях — раскалённый песок,
В ушах — обжигающий ветер,

В глазах — пеленой — миражи,
И путь к ним, по счастью, нетруден...
А в глотке молением о чуде
Топорщится жизнь.

2011

ПРОМЕЖУТОК

Как простуда, пристала строка.
Неужели моя?
То, как антибиотик, горька,
То сладка, как кутья,
То пелёнок младенческих ком,
То покров гробовой...
Промежуток по ветру влеком
Облетевшей листвой.

2009

ЛЕСТНИЦА:
ранние стихотворения
(1978–2008)

* * *

Время восстановимо
По клочкам, уцелевшим в мозгу,
Если память — причина
Спотыканий на каждом шагу
На пути к безразличью,
Если каждый одолженный взгляд
Или глупая стычка —
Катапультной швыряют назад;

Если клянчишь минуту,
Раздражённо бегущую вспять,
Если проще свихнуться,
Чем от сердца тебя оторвать,
Если тащатся мимо
Наши встречи в наручниках снов,
Время восстановимо,
Если время с тобой заодно;

Если злясь и дурачась,
Тяжеля и коверкая груз
Сопричастности, прячешь
Застарелую фразу: «Не трусь,
Не копайся в умершем,
Это — лишнее. Истина — рост
Фантастических версий,
Фантастических грёз».

1978

* * *

Я брёл по старому мосту
В начале марта, в полвторого.
...Боясь растаять на лету,
Ища пристанища любого —
Хоть мост над спящею рекой —
Снежинки никли к мостовой.

Пока лететь им суждено,
Полёту радуясь, как дети,
Им, беззаботным, всё равно,
Найдётся ли, кому их встретить.
Пытаясь обрести ночлег,
Они смыкались. Падал снег.

1981

* * *

Маме

Больничный коридор... Куда, в какую пропасть
Меня уносишь ты с поверхности Земли?
Прошу, не торопись! Прошу, дверьми не хлопай!
Дай дух перевести! Постель перестели!

Куда пропало всё: цветы, врачи, палаты?
Есть только коридор, зыбучий, как песок.
Волочит за собой, уводит вдаль куда-то,
Истоптанный сто раз и вдоль, и поперёк.

Жизнь разлетелась вмиг осколками плафона.
Жизнь вспыхнула, как мысль, дошедшая до слов.
Остался коридор, безликий и бессонный
Больничный каземат из стен, дверей, углов.

С утра и до утра по замкнутому кругу
Бегу, иду, ползу. Нащупываю край
Земного бытия. Отдёргиваю руку.
Свет. Выход. Кнопка. Лифт.
Жизнь, здравствуй! Смерть — прощай!

2003

ЗАБОР

Что за детское горе?
Хочешь плакать — слова не нужны.
Ты сидишь на заборе,
Рвёшь себе потихоньку штаны.

Забирайся повыше,
Отдохни от ребячьих обид.
Ветер звёзды колышет,
Кроме зада, нигде не болит.

Что за детская шалость?
Сколько лет просвистело с тех пор...
Посмотри, что осталось —
Острроверхий железный забор.

Лязгу времени вторя,
С каждым мигом сгущается тьма.
Ты сидишь на заборе,
Смотришь в небо и сходишь с ума...

2004

ЛЕСТНИЦА

Луч, забрызганный тенью,
Появился, пропал,
Полоснув по ступеням,
Уходящим в подвал.

Удержаться не в силах,
Ты бежишь что есть сил,
Не держась за перила,
Не касаясь перил.

.....

Ну, кузнечик, доволен?
Наскакался вполне?
Опоясанный болью,
Ты лежишь на спине.

Эх, ступени, ступени,
Кто ж лежачего бьёт?
Поднимайся: паденье —
Лишь расплата за взлёт...

2004

ВОСПОМИНАНИЕ О МАСТЕРЕ

Михаилу Булгакову

Этаж полуподвальный. Слюда косит понуро.
От муторного эха хоть уши затыкай.
Все двери нараспашку. Привет, литература!
Обитель привидений. Забытый Богом край.

Пустая керосинка. Всё выжжено до капли.
Едва хватило света, чтоб дописать роман
О поколение нищих, чей отчий дом разграблен,
Чьей памятью увечной обет молчанья дан.

Слова ложатся густо, как семена в посеве,
Которых не пугает соседство Сатаны,
Каифы и Пилата. Довлеет злоба дневи.
Полуночные тени под утро не видны.

Блуждая по квартире, гость ищет постояльцев,
Как будто бы их жизням не подведён итог,
А время час за часом стекает между пальцев
И, ткнув иголкой в сердце, уходит из-под ног.

1978–2008

**ПРАЗДНИК.
ПАМЯТИ МАТЕРИ**
Стихотворения в прозе

ЧЁРНЫЙ ИЮНЬ. ТРИПТИХ

Палата № 402

Послеобеденный звонок не предвещал ничего особенного. Звонила старшая медсестра. Официальным тоном сообщила, что решила перевести маму в другую палату. Он воспринял это спокойно.

Вечером был в больнице. Новая палата, где койки стояли впритык, а шумная, хамоватая соседка не реагировала ни на кого, кроме собственной персоны, произвела впечатление. Похоже, не только на него. Мама стала ещё меньше, тише, незаметней, будто старалась отгородиться от всего внешнего, герметично замкнуться в себе. Вчера этой герметики не было.

Утром попытался поговорить со старшей сестрой — и жалел об этом. Цветущая женщина, вооружённая дежурной улыбкой, втолковывала ему, что он ничего не смыслит ни в условиях содержания пациентов, ни в состоянии собственной матери. А необоснованные опасения лучше держать при себе.

Удивлённый, подавленный, обратился к врачам, но его даже не стали слушать. Причину перевода не объяснял никто, ни словом, ни намёком. За ненадобностью. Уходя, поймал себя на мысли, что уверенности в своей правоте нет. Может, он действительно делает из мухи слона? Тем более что так думают все вокруг. Вдруг они понимают больше? А его боязнь новой палаты — просто паранойя? Если бы страх можно было вытащить наружу, заговорить, обезвредить... Но как? Особен-

но страх, возникший на пустом месте... Да и соседка, пусть неприятная, грубая, злобная... Не ведьма же, не вампирша... У самой еле-еле душа в теле...

Самовнушение не срабатывало. Казалось, опасность крутится рядом, совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Той самой, которая только что гладила мамино лицо, а сейчас машинально постукивала по колену.

До развязки оставалось десять дней.

Отражение

«Мамочка, открой глаза. Ну, пожалуйста, посмотри на меня», — собственный голос звучал жалобно, жалко, противно. Если бы его так просили, хрен бы что-то сделал. Вот и мама не реагирует. Да и что можно здесь увидеть? Койку? Тумбочку с лекарствами? Соседку по палате? Его самого — седого, староватого, долдонящего одно и то же?

Она слушала сына и не понимала, что делать. Всё куда-то уплывало, даже звуки. Где её комната? Как она оказалась здесь, в больничной трясине, куда засасывало всё глубже? И чего он хочет, зачем пристаёт? Открой глаза, открой рот, жуй, глотай... Зачем? Чтобы завтра повторилось то же самое? Та же бессмыслица? Даже встать, просто встать уже нельзя. Кто это придумал? Когда она перестала что-то значить? Не для кого-то — для себя... Что делает этот навязчивый, скучный человек? Куда подевался настоящий — весёлый, улыбочивый мальчик, смотрящий на неё глазами мужа? Где её жизнь? Неужели здесь, где всё чужое? Даже сын...

Вдруг там, внутри, возникла странная картина, похожая на ожившую фотографию. Она лежала на мелководье. Тёплая, солёная вода будто ласкалась к ней. А сзади были её мужчины, её мальчики. Муж — взрослый, красивый, сильный. Стар-

ший сын, худой и шустрый. На руках у мужа — младший, совсем крошечный, чья ладошка упиралась в её плечо. Их взгляды были ещё ласковей, чем морская вода. Время, её время, нежно обтекало со всех сторон.

Она посмотрела на сына. В грустных глазах, неотличимых от отцовских, в их влажной глубине увидела себя. Ту, счастливую, тридцатилетнюю, омытую волной Чёрного моря...

Сына трясли за плечо. Его завели в кабинет, в котором он уже был чуть больше часа назад. Врач что-то говорила, объясняла, оправдывалась. Для чего? Всё было понятно сразу, ещё до слов.

Мамины глаза оказались открытыми. Была, наконец, исполнена его просьба. Последняя просьба.

Чёрный июнь

Граница между жизнью и смертью... Где она проходит? Какова её ширина? Секунда? День? Месяц? Или границы нет? Да, жить — это «медленно рождаться». Но ещё жить — это быстро умирать. Сколько бы человеку ни было суждено — до чего ж это мало, непоправимо, прискорбно мало!

Июнь, лишивший меня матери, я не проклиная тебя. Ты был её последним месяцем, ты дышал вместе с ней, а она — вместе с тобой. И когда мамино дыхание прервалось, ты тоже задержал вдох, пусть на одно мимолётное, еле заметное мгновенье. Длиной в человеческую жизнь.

Июнь 2016

ГАЛОЧКА

Как он оказался на улице, насквозь продуваемой ледяным ветром? Куда шёл, лихорадочно вертя головой из стороны в сторону? Рядом никого не было, на улице находился всего один дом. Зашёл внутрь, поднялся по лестнице. Звонок, второй, третий. Толкнув дверь, обнаружил, что она незаперта. Оказалось, это его квартира, в которой жили чужие люди. Но сейчас здесь было пусто, да и обстановка ничем не отличалась от давнишней, будто никто никуда не уезжал. Даже огромный буфет, памятник детства, со всеми бесчисленными ящичками, полками, дверцами стоял на прежнем месте.

В спальне почувствовал, что он не один. «Здравствуй. Спасибо, что заглянул, — в отцовском голосе не слышалось ни упрёка, ни горечи. Только радость узнавания. — Мама? Только что была. Ей же многих надо повидать, не только меня. Иди, сынок, не задерживайся. Тебе здесь делать нечего...»

Голос действовал, как наркотик. Крутнулся на каблуках, выскочил на лестничную клетку, сбежал вниз — и очутился внутри другого дома, совсем незнакомого. В списке жильцов значилась мамина фамилия. Входя в комнату, уже знал, что его ждут. «Кого ищешь? — говоривший казался таким молодым, что он на секунду усомнился, ту ли выбрал дверь.— Галю? Рива, слышишь? Голда уже не подходит. Шучу, малыш, шучу: Галя так Галя. Она же на врача учится, в Днепропетровске. Ты оттуда? Как же вы не встретились?»

Он опять бежал, но сейчас кто-то находился рядом, показывая дорогу. Вокруг был уже не город, а деревня, местечко. Ноги сами несли вперёд, к невзрачному домику, окруженному низким частоколом. Пересёк порог одновременно со своим невидимым спутником — и замер. «Брайна, смотри, кого я привёл, — дедушка уже обо всём догадался. — Только не удивляйся, ладно? Сын нашей Голды, прошу любить и жаловать. Кстати, он зовёт её Галочкой. Как тебе нравится?» Бабушка рассмеялась так весело, что стало обидно. — «Ну ты и выдумщик. Маленькую только что покормила, она спит. Мутэр¹».

Брайна и Аврум стояли рядом, он чувствовал на себе их взгляды. «А ты откуда, внучок?» — юная женщина явно не верила никаким байкам. «Из Израиля», — дедушка не давал ему даже рта раскрыть. «Из Палестины, что ли?» — Брайна разом стала строгой, печальной. — «И Голда там будет? Что ж, счастливого пути! Мне не довелось, так пусть хоть дочка доберётся. Ты уж смотри — береги её. Видишь, какая красоточка. Вылитый Аврумчик».

Он подошёл к колыбельке — и взял... Нет, это не он, это Аврум взял малютку на руки. «Не волнуйся, Брайночка. У неё была хорошая жизнь. А ты уходи, мальчик. Дорогу найдёшь? Вот и славно».

Он стоял на том же месте, с которого начались поиски, только ветер стал немного тише. Еле передвигая ноги, пошёл прочь. К самому себе. Домой.

Июль 2016

---

¹ мама (*идиш*).

МАМЕНЬКИН СЫНОК

Я вырос маминым сыном. Ничего оригинального в этом нет. Одно из первых воспоминаний, едва ли осознанных: мама купает меня, трёхлетнего, и окунает с головой. Я плачу, кричу: «Моя мама хотела меня утопить!» В ответ — смех, поцелуи. Через тридцать лет тот же трюк проделан мной, но годовалая дочка ограничилась обиженной гримаской. А после просчитывала» меня — и в нужный момент задерживала дыхание.

Девятый класс, русская литература, суперважное сочинение. Вечером столько раз перечитываю свой опус, что забываю его дома. Пропажа обнаруживается перед самым началом урока. Готов кусать локти: двойка неминуема, да и оценка за четверть будет снижена. Вдруг дверь открывается, в класс влетает мама. Молча кладёт злополучную тетрадку на парту, и, улыбнувшись, исчезает. Не успеваю сказать ни слова, только мой рот изумлённо раскрыт: она же из-за меня опоздала на работу! В ту же секунду, будто по команде, дребезжит звонок.

Мне тридцать, я только женился, отношения с женой не складываются. Мама уезжает, чтобы мы, оставшись вдвоём, попытались друг друга понять. Но молодая жена ни в какую не хочет приходить в квартиру, где, кроме нас, никого нет. После моих увещаний выдавливая из себя, что ей неприятно там бывать даже в мамино отсутствие. Теперь разрыв неминуем, при всей моей тогдашней влюблённости. Как и вторая, настоящая женитьба.

Мне пятьдесят, маму везут на операцию, третью за полтора года. Лепечу какие-то успокаивающие слова, в которые сам не верю. И тут, на самом пороге операционной, хирург с улыбкой произносит: «Спроси у мамы, какие у неё планы на следующие десять лет жизни?» Переводя, не могу сдержать удивления. Мама не верит своим ушам, но её настроение меняется. Фантастика: врач был прав!

Позапрошлый год, мне почти шестьдесят, одна из привычных израильских заварушек. Из Газы каждый день летят ракеты, некоторые долетают к нам. А у нас ежевечерняя прогулка. Когда раздаётся вой сирены, переходим через дорогу и останавливаемся между двумя магазинчиками: какая-никакая, а защита. Мама дышит ровно, спокойно. Тревога заканчивается, я спрашиваю: «Продолжим?» — и получаю утвердительный ответ.

В подъезде, поднимаясь по лестнице, слышим вторую сирену. «Совсем не страшно?» — не удерживаюсь я. Мама смеётся. Госпиталь, где она служила, был в 25 километрах от передовой. Что для неё арабские болванки после фашистских бомб?

Апрель нынешнего года, мама почти три месяца в больнице, об улучшении нечего и мечтать. Напоминаю, что сегодня день рождения жены. Мама берёт телефон и поздравляет невестку так уверенно, радостно, что во мне невольно вспыхивает гордость. Надежда на чудо, наше еврейское чудо вновь оживает. Прощальная, умирающая последней.

Август 2016

ПРОГУЛКА

Декабрьское утро было тихое, светлое, радостное. Хотелось думать только о хорошем. Позавчера маму выписали из больницы — и он хотел возобновить ежедневные прогулки. Когда выходили из подъезда, спросил: «Пройдём наш круг?» — и увидел по выражению глаз, что мама не против. Они потихоньку удалялись от дома. С каждым шагом его настроение повышалось. Может быть, врачи в больнице — просто перестраховщики? Ведь мама спокойно идёт рядом, как месяц или год назад. Они дошли до первой лавочки, посидели несколько минут. Пошли дальше, отдохнули вновь. Когда поднялись и продолжили, выпалил: «Умница моя!» На душе было так легко, что хотелось петь.

Они уже вернулись на свою улицу, до дома оставались какие-то метры. «Я не могу идти», — мама дышала совсем не так, как минуту назад: тяжело, прерывисто. «Мы же почти дома! — он не верил своим глазам. — Что с тобой?» «Не знаю. Воздуха нет». Он чувствовал, как что-то громоздкое, неподъёмное становится между ними — и пытался воспротивиться, не поддаваться. «Обопрись на меня. Вот так. Теперь пойдём». Они еле двигались, каждый шаг давался мучительно. «Ну как, легче?» — он проклинал себя за легкомыслие. Мама молчала. Кое-как доползли до лифта, поднялись в квартиру. «Что случилось? — спросила жена. — Вас почти два часа не было. Ты что, пошёл на круг?» «Потом, — обескураженно отвечал он, — видишь, маме нехорошо». «Ты врачом заделался? — не уни-

малась жена. — Нам же ясно объяснили: никаких кругов». «Хватит, самому тошно, — он старался не смотреть жене в глаза, — помоги лучше».

Мама лежала в кровати — и дышала легче: «Не знаю, что со мной было. Проходит вроде». «Отдыхай, мамочка», — он был готов сгореть со стыда: мама извинялась перед ним. «Хорошо, — она попробовала улыбнуться, — вот уж погуляли так погуляли». «Да, — мамина несмелая улыбка растолкала его застывшие мысли, — врагам бы такие прогулки».

Сентябрь 2016

ПАРК

Парк, обыкновенный, ничем не примечательный, один из десятков в приморском городе, был в двухстах метрах от твоей больницы. Я поздно узнал о нём — и в тот июньский вечер мы были здесь лишь третий раз.

Парк был полон детей, они гомонили, веселились, игрались. А несколько грудничков внимательно, солидно наблюдали за происходящим из своих колясок.

Мне казалось, что ты дышишь чуть свободней, чем обычно, и мы сможем погулять несколько лишних минут. А ты... Ты была довольна, улыбалась моей любимой улыбкой, позволяющей забыть и о старости, и о болезни, и о страшной близости расставания. Мы были вместе — и я наивно, близоруко, слепо верил, что мы неразделимы. Как раньше. Как всегда. С момента моего рождения.

Мы доехали до конца парка, повернули назад. Перед выездом пробормотал: «Было хорошо, правда?» — и ты согласно кивнула. «Придём ещё?» — «Конечно».

Я шёл домой в прекрасном настроении, будто жизнь улыбнулась мне. Болван: ухмылялась совсем другая женщина.

Август 2016

ПРАВНУК

Я хотел этого больше всего на свете: чтобы ты увидела его. День, когда узнал о нём, обжёг, пронзил ярким светом. Почти вприпрыжку бежал в больницу. Как ненормальный, стучал по каждому дереву, вновь и вновь проговаривая про себя новость, услышанную от дочери.

Ты не сразу поняла, о чём речь. «У тебя будет правнук, первый правнук!» — минуту назад верилось, что эти слова перевернут мир. Какое там... Мой мир перевернулся, а в твоём мало что изменилось. «Как же так? — недоумевал я. — Через несколько месяцев он появится здесь, рядом с нами. Сын любимой внучки, которую ты когда-то каждый день водила на море — и мы встречали вас в конце пути, большую и маленькую. Да, прошло четверть века, но этот малыш вдохнёт в тебя жизнь, новую жизнь... Разве может быть иначе?» Слова рвались наружу, но, глядя на тебя, я не давал им выхода. «Мамочка, разве ты не рада?» «Почему? Рада».

Радоваться не было сил. Ты не хотела меня разочаровывать, но не могла и обманывать. И, чтобы не отвечать, закрыла глаза.

Я подумал, что ты устала — и больше не возвращался к разговору. Даже успокоился: до августа, когда малыш родится, куча времени. Нужно надеяться на лучшее.

Так-то так, но августу всегда предшествует июнь. Где я это вычитал? Точно: «Проклятые короли», развлекательный роман, четырнадцатый век. Жизнь и смерть, идущие рука об руку, а иногда — случайно, мимоходом — меняющиеся местами.

Интересно: наше время хоть чем-то отличается? Вряд ли.

Август 2016

ПРАЗДНИК

«Мать — короткий праздник на земле», — сказал Фазиль Искандер. Благодарю небеса, что твой праздник длился до седых волос — и лишь сейчас, на седьмом десятке, ты постигаешь науку сиротства.

Праздник кончился. Начались будни.

Август 2016

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Ад, обыкновенный земной ад, накрыл ранним летним утром, когда сидел у дверей больничной палаты. Весёлые, довольные собой чертенята поджаривали меня на сковородке бессилия, никчёмности, трусости. Как последний тупица, я не отдавал себе отчёт, что происходит, и вместо того, чтобы стонать, выть от боли, тихонько сидел на стуле, пока рядом, за дверью кто-то деловито завершал свою работу. Меня — болвана в старинном польском преферансе — позвали потом, когда всё закончилось, а маму забрали туда, куда никому из нас, обитателей земной ночлежки, нет доступа.

Нет — или всё же есть? Как Вергилий, ты вела меня за собой, я видел рядом родное лицо — и ни за что не желал, не мог поверить, что это бред. Крепко обнял тебя — и ощутил холод, который пронял до косточек, вобрал в себя, потянул за собой. Нас несло в огромную, чёрную, булькающую воронку, и когда у самого края, зацепившись за случайный проблеск сознания, я разжал руки, меня, как пробку, вышибло наружу.

Я опять сидел в больничном коридоре, а за дверью слышался всхлип, крик, вопль, вмещающий всё вокруг. Кричал младенец, пришедший в наш мир. Кричал я, его дед. Кричала мама, так и не ставшая прабабушкой. Кричала жизнь. Кричала её двойняшка — смерть.

Август 2016

НИКУР¹

Этот январский день то всплывал в памяти, то проваливался в неё. Иногда с точностью до минут, иногда перемешивая утренние и вечерние часы в мутное, безвкусное варево.

Мама была в больнице третью неделю, вода в лёгких лишь прибывала, а откачать её врачи опасались. Сын просил, умолял, требовал — и натыкался на непробиваемую стену: прокол опасен. Никто не может гарантировать, что мама просидит, не шевелясь, всё время процедуры.

Но в это утро состояние ухудшилось настолько, что профессор, зав. отделением, пообещал помочь. А вскоре лечащий врач, которая ещё позавчера и слышать ни о чём подобном не желала, подтвердила, что никур будет после обеда.

Тут же начал готовить маму: «Это же проще простого: спокойно сидишь на кровати. Десять минут, от силы — пятнадцать. Зато потом будет легче дышать, обещаю». Мама согласно кивала. Он повторил «инструкцию» трижды. На всякий случай.

Обед давно прошёл, день черепашьями шажками приближался к вечеру. Подрёмывал, когда в палату вбежала сестра: «У вас никур. Готовьтесь». Следом зашли врачи. Он помог маме устроиться поудобней. Заместитель профессора, молодой, спокойный, излучающий уверенность, прослушал лёгкие и наметил место для иглы. Сделали прокол — и жидкость потекла в пластиковую колбу. Мама сидела так, как нужно, крепко сжи-

---

¹ Здесь: откачивание жидкости (*уврут*).

мая сыновью руку. Первая колба наполнилась, начали наполнять вторую. Вдруг мама кашлянула, потом ещё, ещё. Иглу вытащили. «Сколько успели?» — спросил сын. «Почти всё», — его наградили тёплой улыбкой.

Мама заснула. Он и помыслить не мог, что истекают последние миги беспримесного, чистого счастья. Что грубая, но незлая хозяйка всего земного швырнула ему, как надоедливой собачонке, сладкую косточку. И легковёрная псина, получив подарок, радостно виляет хвостом.

Январь 2017

ЖЕМЧУЖИНА

Пнина — жемчужина на иврите. Так назвал тещу отец, раввин. Янкель Довман был одним из служителей культа, расстрелянных в тридцать восьмом. В память о нём теща никогда не меняла документы, хотя в быту, конечно, звалась Полиной.

Она была застрельщицей отъезда, энергично подталкивала нас с женой. Иногда мысленно я даже ставил её в пример маме, которая, на пару со мной, относилась к будущей репатриации без малейшего энтузиазма. Примерно, как к операции по удалению больного зуба.

В Израиле ситуация изменилась за считанные дни. Ещё не были распакованы чемоданы, а теща вынесла приговор: «Это не наша страна». Напрасно мы пытались её разубедить, напомнить, что первому впечатлению нельзя поддаваться: она оказалась советской патриоткой, из тех, кому разлука с родиной противопоказана. Несмотря на отца. Несмотря ни на что.

Жизнь покатила под откос. Теща рвалась назад, будто забыла там что-то или кого-то. Наверное, себя: добрую, мудрую, сильную.

Всё закончилось через полтора года на кладбище в самом центре страны, которую она так и не приняла. Переезд убил её. Болезнь послужила лишь внешним, пристойным оформлением.

Мама прожила ещё четверть века. Для неё на первом месте всегда стояла семья. Остальное было вторичным, даже страна проживания. Родина.

Сейчас они лежат рядом: Галина и Полина, Голда и Пнина. Дочь меламеда — и дочь раввина.

Сентябрь 2016

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

Это стало непереносимым. Каждый шаг, каждый миг был отравлен мыслями, бегущими по замкнутому кругу. Всюду виделась мама. Она жила здесь, дышала, думала, любила, помнила. Старела, слабела, забывала, теряла саму себя.

Квартира, лестница, дом, улица — всё враз стало бессмысленным, нелепым, ненужным. Человеческий стержень, на который столько лет нанизывались разные детали существования, истончился, сломался. Жизнь рассыпалась на мелкие кусочки воспоминаний, стала сплошным прошлым, мертвящим настоящим. Неподъёмным монолитом. Могильной плитой.

«Стоп, — прошептал он себе. — Мама живёт по-прежнему. В моей груди стучит мамино сердце, моё дыхание наполняет мамины лёгкие, моя любовь греет мамину душу. Только так мы сможем проститься. Только так».

Порочный круг раскрылся, распахнулся. Счастье, настоящее на горе, окатило густым, тяжёлым, муторным запахом. Он дышал, не отрываясь. От каждого вдоха зависела жизнь.

Октябрь 2016

ПРОЗА

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ

Маленькая повесть

*Далеко зашёл ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-жёлты,
Серебристо-жёлты,
И налип на шпалы
Иней мёртво-талый.
Уж туда ль зашёл ты,
Паровик усталый?*

1906

ПРОШЕНИЕ

В своих апартаментах министр просвещения Шварц, благообразный седой старик, принимал попечителя столичного округа Мусина-Пушкина. Попечитель, весьма самоуверенный пожилой господин, держался с хозяином кабинета почти на равных.

— Александр Николаевич, если бы вы знали, до чего с ним тяжело! По любому пустяку имеет особое мнение. Конечно, он и Еврипида переводит, и книги о литературе издаёт, и оригинальные стихи пишет. Будто мы лаптем щи хлебаем... И каков фон-барон: ему частичную отставку подавай, хочет ещё лекции читать и в Учёном комитете красоваться! Нет уж, отставка так отставка, без разных финтифлюшек...

— Да вы не волнуйтесь так, Александр Алексеевич! Я с вами вполне согласен. У Анненского с сердчишком проблемы, так что мы о нём же заботимся. *Вона fide!*¹ Потрудитесь подготовить приказ. А я распорядюсь.

— Благодарствую, Ваше превосходительство. Завтра изволите принять?

— Уже с приказом?

— Разумеется.

— Отлично, граф. Жду.

УЧЕНИК

Промозглым ноябрьским утром в небольшом особняке, каковых немало на тихих улицах Царского Села, беседовали двое: импозантный, дружелюбный хозяин с бледным, чуть отёчным лицом и гость — совсем молодой, почти юноша. Лицо второго, маловыразительное, с неправильными, мягкими линиями, обладало странной особенностью: посреди разговора оно неожиданно «собиралось», расплывчатые черты приобретали строгость и красоту.

— Ну что вы, Коля, разве можно так переживать из-за того, что ваши стихи кому-то не нравятся? вспомните, как эта самая Гиппиус отнеслась к вам в Париже... Вы же прекрасно понимаете: поэтом нельзя сделаться, эта болячка сидит в нас от рождения. Пишите и пишите: то, что внутри, обязательно выплеснется.

— Иннокентий Фёдорович, может, я просто неудачник? Даже аттестат позже всех получил, другие уже университеты за-

---

¹ вполне искренне (*лат.*).

канчивают. А за что Зинаида Николаевна на меня взъелась, не постигаю. В Париже в три шеи вытолкала. Да и сейчас... Будто у неё есть право решать, кто для чего предназначен.

— Вот именно. Поймите, мальчик мой, это свойство недалёких, поверхностных натур: целиком доверяться первому впечатлению, с лёгкостью ставить на человеке крест. А homo cogitans¹ сомневается в себе постоянно. В своих мыслях, оценках, чувствах... Гиппиус и как поэтесса весьма ограничена. Жаль, что среди пишущей братии до сих пор не было ни одной великой женщины.

Анненский внезапно замолчал. Медленно встал, сделал несколько неглубоких вдохов, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом так же резко вернулся к собеседнику.

— Простите великодушно. Вот я сейчас вас успокаиваю, а сам? Думаете, легко сознавать, что жизнь почти прожита, а стихи никому не нужны, переводы где-то лежат-пылятся. Об остальном и говорить нечего: смотрят как на клоуна. Что это господин бывший директор статьи о литературе кропает на старости лет?

— Иннокентий Фёдорович, — Гумилёв будто отбросил привычное косноязычие, заговорил твёрдо и чётко, — ваши стихи мне необычайно дороги. Тот, кто судит о вас свысока, мало что смыслит в поэзии. Ничего не смыслит.

— Вот видите, Николая, для меня вы тут же нашли слова утешения. А для самого себя, что, кишка тонка? — Анненский широко улыбнулся, сразу став гораздо моложе. — Поверьте, время всё расставит по своим местам. Дождаться бы только этого времени...

---

¹ человек мыслящий (лат.).

ЖЕНА

Анненскому нездоровилось. Последний месяц сердце беспокоило как-то по-иному: неожиданнее, острее. Приходилось ложиться в постель и ждать, пока боль отпустит. Он не терпел этого вынужденного, нелепого безделья. Ему всегда казалось, что с собственным сердцем можно договориться, ублажить его, что ли. Долгие годы почти так и происходило. Когда перевалило за пятьдесят, он даже стал немножко вольнее себя вести. Иногда позволял себе переживания, которых старательно избегал в молодости. Вот и сейчас, на верное, переусердствовал.

— Болит, Кенечка? Может быть, ещё капель? Или доктора?

— Не нужно, Дина. Полежу немного, сейчас пройдёт. Кажется, уже легче.

Жена действительно беспокоилась о нём. И очень хотела показать, что может быть полезна.

Когда они познакомились, он, двадцатидвухлетний студент, влюбился без памяти. Дине было тридцать шесть, бедняжка овдовела, когда сама была не намного старше своего юного ухажёра. Она была красива. Очень. Нежная женщина, в одночасье лишившаяся любимого мужа и сама выросшая прекрасных сыновей, с которыми он сразу подружился (благо, разница в возрасте была невелика, куда меньше, чем с их мамой), просто околдовала его. Он чуть ли не с первой встречи мечтал о женитьбе. И вскоре сделал предложение. К счастью, она согласилась. Хотя Иннокентий вызывал немалые опасения. Молодостью, горячностью, детской восторженностью. Дина не хотела выходить замуж за полуробёнка. Свадьбу отложили на два года: же-

них полагал, что напрасно. Они обвенчались, едва Анненский получил диплом. И он сразу сумел поставить себя. Пасынки были немало удивлены, когда отчим начал активно участвовать в их жизни. Как старший брат. И муж матери. А тут и Валечка подросел, и не было оснований сетовать на судьбу: от него, двадцатипятилетнего, зависело благополучие большой семьи — и он этим не на шутку гордился. А домашние гордились им, его спокойствием, хладнокровием, деловитостью. Может быть, этот скорый брак приостановил развитие его болезни? Кто знает?

Надежда Валентиновна с тревогой смотрела на мужа. Как он мучается! Она сегодня надела нарядное, любимое им платье. Но что делать с этим проклятым возрастом? Хоть зеркала убирай...

Иннокентий Фёдорович постарался улыбнуться. Когда-то платье сводило его с ума. Вернуться бы к себе, тогдашнему. Невозможно. Ну вот, опять прихватило. Надо постараться ни о чём не думать. Хоть несколько минут...

НЕВЕСТКА

Они медленно шли по аллее парка. Было ветрено и сыро.

— Кеня, почитайте ещё, — попросила Ольга. — Моё любимое: «Паровик усталый». И «Это — подлог». И «Петербург». И «Шарманку», конечно...

— Олечка, вы меня балуете. — Иннокентий почти забыл о привычной тяжести в груди, чувствовал себя свежим и бодрым. — А куда мы пойдём? Как бы дождь не зарядил.

— С вами — хоть в подземелье, — засмеялась женщина. — Можно и поближе. Вон беседка.

Анненский читал стихи с наслаждением — и с ещё большим наслаждением смотрел на любимое лицо. Она действительно пошла бы за ним на край света, он это видел, чувствовал. Но обидеть Платошу! Не пасынка — брата. Когда-то он встал между мальчиком и его матерью. Но сейчас — отнять ещё и жену! Нет, это не для него. Приходится любить молча, бесполо, платонически. А ведь Платон (нелепый каллампур) совсем не ревнует. Хотя о чувствах жены знает. Не может не знать.

Ольга слушала нервные, бьющие током строки. Ей казалось, что стихи текут отовсюду: от мрачноватых, серых кустов, голых деревьев, вязкого, мутного царскосельского неба. Вдруг стало тяжело дышать: спазмой стиснуло горло...

— Олечка, вы плачете... — Иннокентий Фёдорович целовал руки женщины. — Пойдемте в дом. Дети уже, наверное, беспокоятся: куда противный дед увёл маму? Посмотрите на эти ветки. Видите, они вначале расходятся, а потом соединяются. Как мы с вами...

«Соединяются, — вытирая платочком глаза, подумала Ольга Петровна. — Но не на земле».

СЫН

— Ну-с, Валентин Иннокентьевич, каковы наши успехи? — Анненский сам не знал, почему у него поднялось настроение. Радоваться было решительно нечему: самочувствие отвратительное, стихи печатать не хотят, отставка, похоже, будет полная, так что о чтении лекций придётся забыть. Да и новая книга, рукопись которой Валя сейчас держит в руках, может пройти незамеченной. Запросто.

— Папа, я сейчас же начну, — сын был не на шутку увлечён предстоящими хлопотами. — Ты знаешь, тянуть не буду. Постараюсь всё подготовить за два дня. А может, и в один уложусь.

— Ну, Валечка, прямо за один день. Ларец-то немаленький, да и заполнен порядочно. Всё вычитать, да исправить, да переписать, если нужно. Не спеши, пожара нет. Я эти пару-тройку дней подожду. Дольше ждал. Кстати, никакого псевдонима не будет. Хватит.

— Папочка, для меня переписывать твои стихи — не труд, а счастье. Мы с Олей вчера об этом говорили. Помнишь: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь»? Это же о тебе.

— Валюша, Пушкин это о себе писал. Ты забыл, кто твой отец? Престарелый дебютант, которого, если и хвалят, то сквозь зубы. А чаще игнорируют. Мои новые стихи Маковский выкинул из номера. Ладно, давай о весёлом. У тебя все беловые есть? Пройди рукопись не спеша. Если что не так, исправляй. И меня зови. Хотя завтра я целый день в Петербурге. Вернусь только вечером.

— Папа, я почти всё наизусть помню. Ты не волнуйся только. А если что, Оля мне поможет: ты же ей всю книгу прочитал. А память у неё замечательная...

— Не так уж много я прочитал, — Иннокентий Фёдорович почувствовал, что краснеет.

Сын, видимо, не понимал, какие чувства связывают отца и невестку. Или делал вид. Хорошо хоть, Платон не говорит с ним о жене, когда они бывают наедине. Их отношения стерильно чисты, а он считает себя грешником. Наверное, потому, что в мыслях грешит много лет. Они с Олечкой грешат вместе.

— Так что Олю лучше не трогай. Ей и так забот хватает. С детьми... Пожалуйста, Валя. Запятые, отступы, курсив — постарайся ничего не пропустить. Проверь каждую пьесу, каждую строку. Для меня это очень серьёзно, ты знаешь. Второго провала я, наверное, не переживу.

— Папа, не будет никакого провала. Ты знаешь, что мне сказала Оля? Когда она тебя слушает, то радуется каждому слову. И огорчается, что стихи такие короткие.

— Да уж, — Анненскому захотелось сию же секунду увидеть невестку. Желание переполняло его. Идти, бежать, ехать куда угодно, только бы коснуться взглядом Олиного лица. Что за необъяснимая блажь, глупость? Как раз сегодня сердце чуть успокоилось, было вроде бы легче, чем в предыдущие дни. — Ты можешь считать меня старым занудой, но я по-прежнему не верю, что на книгу обратят внимание. Завтра покажешь мне, что получилось. Спокойной ночи, сын!

— Отдыхай, папочка. А я немножко пообщаюсь с другим Иннокентием Анненским... Поэтом.

— Валька, ты же не Макс Волошин, который думал, что есть несколько Иннокентиев Анненских. Я тот же. И в стихах, и в прозе, и в жизни. Неужели непонятно?

ПОЕЗД

День обещал быть хлопотным и тяжёлым. И сердце дало о себе знать сразу после завтрака. Пришлось прилечь. Анненский вышел из дома чуть позже обычного, но на поезд успел.

Иннокентий Фёдорович сидел у окна. За окном мелькали привычные, многожды виденные картины. И мысли крутились привычные, под стать пейзажу.

Почему принято считать, что поэт должен быть молодым? Жаль, что Пушкин прожил только полжизни. А Лермонтов был совсем мальчиком, моложе его Вальки.

«Горные вершины спят во тьме ночной...» Где в этих гладеньких, напевных строках боль и мука нашей перекорёженной жизни? Он перевёл Гёте иначе. Стихи, нервные и рваные, с анжамбеманом посредине, ближе к оригиналу. Но не в этом главное...

Анненский со страхом думал, что его перевод (да, да, с собой можно было не лукавить) сильнее. Он знал цену своим стихам. И постоянно ощущал безразличное отношение к себе, которое уже не тяготило — унижало. Даже Блок, любимый им, талантливейший Блок, написал о книге сухо и безлично. Да что они понимают, эти двадцатилетние судьи? Кто сказал, что в пятьдесят поэт должен быть списан в тираж? А Тютчев? А Фет? А Случевский? Сейчас, когда поезд приближается к Царскосельскому вокзалу, Валя вычитывает «Кипарисовый Ларец». Увидеть бы эту книгу. Подержать в руках.

Прямо в глаза бьёт только что вырвавшееся на свободу утреннее солнце. Анненский улыбается ему. Как он радовался каждому новому году, мечтал встретить ещё одно десятилетие. Остался всего год. Господи, многомесячный неподъёмный год, который ему не осилить. Да что год! До него целый месяц. А до этого месяца почти целый день, четырнадцать неповоротливых, громоздких часов. Чёртова прорва минут. И каждая может оказаться последней.

Поезд тормозит. Вот он, вокзал. Пассажиры встают. Медленно идут к выходу. Что ещё остаётся?

ПОХОРОНЫ

Толпа собралась изрядная. Валентин стиснул зубы, чтобы не застонать: почти никто из этих людей не знал, даже не догадывался, кого сегодня хоронят. Кто замер в гробу в застёгнутом наглухо учительском мундире. Неожиданно его тронули за рукав. «Простите, барин, — слышался знакомый голос. — Что же это... Батюшка-то ваш...» «Истопник гимназии» — промелькнуло в мозгу. Валентин Иннокентьевич кивнул и медленно обернулся: рядом стояла Ольга Петровна, глаза её были сухи, рот плотно сжат. Странно: только что он отчётливо слышал стихи. Наверное, померещилось...

2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Балтин. Точная формула</i>	5
--	---

ПОЭЗИЯ

СЕГОДНЯ (2023)

Днепр. 14 января 2023.....	11
1853–2023.....	12
России	13
Сонет оттуда.....	14
«Диагноз твой: израильский еврей...»	15
«Ты вспомнишь о своём народе?...».....	16
Израиль	17
Рыжик	18

ИНСТИНКТ (2011–2021)

Жизнь

1. «Будь кладом зарытым...».....	21
2. «Почему ты щедра только с теми...».....	21

«Слова, предписанные свыше...»	22
Инстинкт	23
«Неделя начинается дождём...»	24
«У меня к тебе претензий нет...»	25
«Необратимый миг...»	26
«Куда ни пойдёшь, куда...»	27
«Три месяца — как день один...»	28
«Мы сегодня с тобой вдвоём...»	29
Трус	30
2016: уходящему	31
Колыбельная	32
Двойняшки	33
Реплика	34
Через сорок лет	35
«Какая прелесть — детский почерк...»	36
Прощание	37
«Благодаренье за науку...»	38
«Заглотишь слово или слог...»	39
Генрик Гольдшмидт	40
Август	41
Старая фотография	42

ДОРОГА
(2009–2016)

Исход (тетраптих)

Фараон	45
Моисей	46

Народ	46
Творец	47
Качели	48
«Птичий муляж у дороги...»	49
Лист	50
Указ	51
Канун	52
Цепочка последних следов (шесть стихотворений)	
Аудиенция (триптих)	
Царь	53
Генерал.....	53
Поэт.....	54
Дуэль	54
Уход.....	54
Вдова.....	55
Дантес	56
Дорога	57
Два посвящения О. М.	
Передышка	58
Перекличка	58
Ташкент. 1943.....	60
Слуцкий (триптих)	
1. «Имя с трибуны названо...».....	61
2. «Платя немереную цену...»	61
3. «Прошедший сквозь безверье...»	62

Вопрос Гаспарову	63
Запоздалый рекем	64
Зеркало	65
Спросонок	66
Свадьба.....	67
«Сон, траченный светом, расползся уже...»	68
«Ты смотришь на меня, не узнавая...»	69
Журавлиное	70

АВТОПОРТРЕТ (2005–2011)

Прогулка

1. «Плывём по морю мы...»	73
2. «Ты наверху стоишь...»	73
3. «Накатит, как волна...»	74
«Шорохов нет и в помине...»	75
Автопортрет	76
Музыка	77
Михоэлс в роли короля Лира	78
Жена	79
Линия	80
Язык.....	81
«Тут на пять остановок вперёд...»	82
Чайка над Темзой.....	83

«Поживи без стихов, поживи...»	84
Вечерний дождь	85
«Яви хрусткая граница...»	86
«В час, когда, забывая ненужную зрячесть...»	87
«Ты помнишь давний ленинградский вечер?...»	88
Днепропетровские наброски (триптих)	
1977. Сара	89
1986. Аня	90
1990. Дана	91
«Пусть будет нашей тайной...»	93
«Мы по-детски доверчиво спали...»	94
Вспоминая Экзюпери	95
Промежуток	96

ЛЕСТНИЦА:
ранние стихотворения
(1978–2008)

«Время восстановимо...»	99
«Я брёл по старому мосту...»	100
«Больничный коридор...»	101
Забор	102
Лестница	103
Воспоминание о Мастере	104
Праздник. Памяти матери	105

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Чёрный июнь (триптих)	
Палата № 402.....	107
Отражение	108
Чёрный июнь	109
Галочка.....	110
Маменькин сынок	112
Прогулка.....	114
Парк	116
Правнук	117
Праздник	118
Данте Алигьери	119
Никур	120
Жемчужина	122
Двуликий Янус.....	124

ПРОЗА

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ

Маленькая повесть

Прошение.....	127
Ученик	128
Жена.....	130

Невестка.....	131
Сын.....	132
Поезд.....	134
Похороны.....	136

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

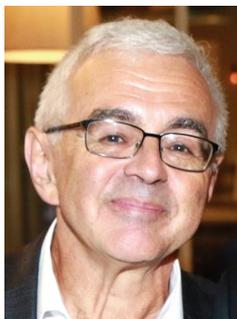
Борис Сулович
ОТТУДА
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 ¹/₁₆. Наклад 100 прим. Зам. №2915
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 9
Гарнітура «Arial Narrow».
Підписано до друку 12.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Борис СУСЛОВИЧ родился в 1955 году в Днепропетровске. Окончил мехмат ДГУ, программист. С 1990 года живёт в Холоне, пригороде Тель-Авива. Работал по специальности до 2022 года. Стихи и проза публиковались в журналах «Крещатик», «Новая Юность», «День и Ночь», «7 искусств», иерусалимском альманахе «Огни столицы» и др. Автор трёх книг.

Эти стихи — целая модель реальности. Не тоненькая ткань, накинутая на плечи для комфорта. Здесь история и география, книга и миф, знакомое и неизведанное.

Это взрослый масштаб ясно мыслящего и чувствительного поэта, открытого, с внутренней энергией.

Это нескораемый запас пишущего человека — необходимый читателю. Стихи Бориса Сусловича с их здравым смыслом — нужны сегодня, пригодятся и завтра.

Вероника Долина

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ОВДОРОВА

